

Наименования традиционных кушаний и выпечных изделий в говорах Пермского края и Русского Севера¹

Пермские говоры – говоры вторичного заселения, распространенные на территории Пермского края. Исследователи истории Пермского края отмечают, что территория Верхнего Прикамья русскими осваивается в XV веке, изначально на этих землях проживали финно-угорские народы (коми, удмурты, манси). Заселение Пермского края происходило в основном с Русского Севера, поэтому в основе пермских лежат севернорусские говоры (архангельские, сольвычегодские, вологодские, вятские и другие). Так, Е.Н. Полякова пишет о том, что Пермь Великая – Чердынская земля (современные Гайнский, Косинский, Чердынский и часть Красновишерского района Пермского края) имела пути проникновения из Поморья и с Русского Севера [Полякова, 2006, с. 24-25]. Этнографы отмечают сходство многих деталей быта, а также называющей их лексики Северного Прикамья и Поморья [Чагин, 1995, с. 122-139]. Близость быта и культуры крестьян Русского Севера и жителей Пермского края обнаруживается в том числе и в традиционной кухне.

В данной статье рассматриваются языковые единицы, называющие в пермских говорах различные кушанья и имеющие параллели в говорах Русского Севера. Лексика питания исследовалась как на материале говоров русского Севера: архангельских [Ильинская, 1985], вологодских [Воронина, 1992], псковских [Дмитриева, 1998, 2000; Лутовинова, 1972, 1989], печорских [Лутовинова 1970], так и на материале пермских [Бакланова, 2008; Зверева, 2009, 2011]. Е.Н. Полякова в своих статьях также анализировала лексику питания, но по данным пермских памятников и ономастики [Полякова, 2009а, 2009б]. Однако обычно в работах описываются особенности кухни определенного региона, а также лексики, служащей для наименования различных блюд, хотя традиции питания на Русском Севере и на территории Пермского края имеют много общего.

Часть лексем тематической группы «Питание» фиксируется в севернорусских и в пермских говорах. Так, лексемы *де'же'нь* и *луд* (в значении 'блюдо из толокна') отмечаются в вологодских, архангельских, вятских, а также в уральских (пермских и Среднего Урала) и сибирских говорах. В пермских говорах эти лексемы разводятся по признаку густоты блюда. Так, *дежень* имеет значение 'холодное кушанье из толокна, негусто замешанное на квасе или сусле', а *луда* – 'толокно, густо замешанное на молоке, квасе, сусле и т.п.' (*В квас или в сусло мешают толокно жиденько и хлебают с хлебушком, дежень называется* (Нырб Черд.); *Дежень – его мешают жиденько, а луду густенько, мешают его в квасу* (Редикор Черд.);

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов РГНФ 11-34-00330 а2 «Материальная и духовная культура в лексике и фразеологии Пермского края»; РГНФ 12-34-01043 «Традиционная культура Пермского края по данным лексики говоров и памятников письменности Пермского края».

Сделаем *луду* из толокна, густо намешаем и едим, а если жидко намешаем, то *дижень* называется (Марушева Черд.); *Луду* раньше хлебали. Толокно густо замешивают на квасу и хлебают с молоком или с суслом (Пянтег Черд.) [КРГСПК]; Из толокна *луду* мешали. Густо нахряснет, потом её хлебам (Акчим Краснов.) [АС, т. 2, с. 115]. В севернорусских говорах эти лексемы так четко не различаются: *дежень* может обозначать любой густоты блюдо из толокна: ‘кушанье в виде густой смеси толокна с водой или квасом, молоком и т.п.’, ‘жидкое кушанье из толокна (иногда муки), разведенного в молоке, квасе, супе и т.д.’ [СРНГ, т. 7, с. 334], *луда* же имеет значение ‘толокно, густо замешанное на молоке’ [СВГ, т. 4, с. 53]. Основным признаком для различения этих блюд является напиток, которым разводят толокно.

Изменение значения в пермских говорах в сторону большей конкретизации возможно объяснить утратой полисемии этими словами. Так, в архангельских говорах слово *дежень*, кроме кушанья из толокна, может обозначать ‘жидкое кислое тесто, наливаемое на шаньги’, ‘лепешку из жидкого кислого теста’ [СРНГ, т. 7, с. 334], ‘жидкое недрожжевое тесто’ [АОС, т. 10, с. 423]; эти значения связывают слово *дежень* с мотивирующим *дежа* ‘деревянная кадка, в которой готовится тесто для хлеба; квашня’, ‘тесто, находящееся в такой посуде’ [СРНГ, т. 7, с. 333]. Таким образом, в архангельских говорах сохраняется связь между значениями ‘кушанье из толокна’ и ‘тесто’, в пермских же говорах у слова остается лишь одно значение.

Лексема *луда* фиксируется во многих русских говорах, в СРНГ отмечается 4 слова-омонима. Второй омоним является полисемичным и включает такие значения: ‘неплодородная беловатая почва’, ‘белая галька в песке и глине’, ‘толокно, замешанное на молоке’, ‘саламата’ [СРНГ, т. 17, с. 177]. Первое и третье значения фиксируются в архангельских, вологодских, а также в пермских говорах. Однако первое значение, объединенное семьей ‘почва’ в пермских говорах датировано в СРНГ XIX веком. Современные словари пермских говоров («Словарь говора д. Акчим Пермской области», «Словарь русских говоров Южного Прикамья», «Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа») этого значения не отмечают. Единственную фиксацию лексемы со значением ‘неплодородная глинистая почва’ (*Луда, лудяк – земля нехорошая, сбела-красная, хоть рыхли, хоть чё, как дорога кака-то, очень уж тяжёлая* (Острожка Ох.) [СПГ, т. 1, с. 492] находим в СПГ, однако слово отмечается как омоним к слову *луда* ‘кушанье, приготовленное из толокна, размешанного в простокваше’. Скорее всего, семантика ‘толокно, замешанное на молоке’ является следствием переноса от значения ‘светлая почва, глина’ на основе признака «нечто пластичное белого цвета». Потеря этимологических связей у слова *луда* ведет к тому, что в современных пермских говорах лексема обозначает толокно, замешанное не только на молоке, но и на любом напитке (воде, сусле, квасе и т.д.).

В пермских говорах фиксируются и другие лексемы, называющие блюда из толокна, совпадающие в пермских и севернорусских говорах. Так, *болтушка* в вологодских и олонечких говорах имеет значение ‘толокно, жидко замешанное на квасу, употребляемое как напиток’ [СРНГ, т. 3, с. 83], в пермских говорах

слово также обозначает жидкое блюдо из толокна, однако разводить его могут не только квасом, но и пивом, суслom, водой: *Раньше болтушку ели: в пиво или в брагу (совсем жиденькое) насыплем толокна, и ешь болтушку* (Нырб Черд.); *Болтушка с пивом. Пиво или сусли с толокном пьют в праздники, в будни – с квасом, водой* (Половодово Сол.) [СРГСПК, т.1, с. 120]. В вологодских говорах отмечается слово **сыроежка** ‘кушанье из толченых ягод с толокном и молоком’ [СВГ, т. 10, с. 178], эту же семантику оно имеет и в пермских: *Сыроежка из толокна. Бруснику растолкёшь и толокно замешают – и будет сыроежка* (Вильгорт Черд.); *Сыроежка из толокна. Разведёшь на воде, хоть на молоке с сахаром* (Покча Черд.) [КСРГСПК].

В некоторых случаях лексемы, называющие блюда из толокна, не совпадают, однако реалья является одной. Так, значение ‘толокно, густо замешанное на молоке, воде и т.п.’ в архангельских, олонекких, вологодских говорах выражается словом **сухоме'с** ‘кушанье из толокна, круто замешанного на воде или молоке с добавлением соли, растительного масла или меду, патоки, ягод’ [СРНГ, т. 43, с. 18], в пермских же с помощью языковых единиц **сухо'**, (**сухо'е**), **сухо'е толокно'**, **сухо'е на ма'сле** (*В сухо шибко много толокна намешают – вот и сухо выйдёт* (Марушева Черд.); *А сухое – это квас, сахар наложись, толокно. Это густо-густо намешай, ну совсем уж оно сухое* (Кирияново Черд.); *Сухое на масле – блюдо такое. Масла туда дивно леньшь, толокна намешай густенько – приторомно ешь даже, ну густо* (Редикор Черд.) [КСРГСПК]).

В говорах Русского Севера и в пермских говорах отмечаются и другие единицы, обозначающие блюда из толокна: в вологодских **жему'лька** [СРНГ, т. 9, с. 123], **заме'шка** [СРНГ, т. 10, с. 240], **тя'пушка** [СВГ, т. 11, с. 93], **сурове'га** [СРНГ, т. 42, с. 279]; в пермских **жаварёха**, **кишкама'р**, **месу'шка**, **помаку'шка**, **толоку'шка**, **тю'ря** [КСРГСПК]. Наличие развитой системы вариантов наименований данной реалии свидетельствует о распространенности этого кушанья в прошлом в быту крестьян Русского Севера и Пермского края. Этнографы отмечают, что культура употребления толокна была принесена в Прикамье выходцами с Русского Севера: «Затем после ржаной муки шла мука овсяная и различные блюда из толченого и переработанного овса. В Поморье, Приуралье и Сибири ни одна трапеза не обходилась без него. В северном регионе изобрели особый способ приготовления овсяной муки – толокно <...> Из толокна готовили много блюд. Самое простое из них – сухомес – густая смесь с водой. Благодаря компактности, питательности и легкости приготовления толокно стало обязательной провизией для русского войска. Были введены специальные сборы с населения северных волостей, которые поступали в Пермь и оттуда распределялись по сибирским городам». [Липинская, 2005, с. 366]

Во многих севернорусских, уральских и сибирских говорах фиксируется слово **мучник**, в вологодских говорах со значением ‘хлебное изделие, представляющее собой тонкую пресную лепёшку, на которую накладывается дрожжевое тесто из ячменной или гороховой муки’ [СВГ, т. 5, с. 12]. Эта же семантика сохраняется у лексемы и в говорах Пермского края, в том числе, и у

фонетических вариантов слова **му'сник, му'шник** (*Мусник стряпашь – сочень вот какой соскёшь; и накладешь на его теста из квашонки; ничем не мажешь, ежели наголо ржаной, рубчики по краям сделаешь. Я седни хлеб-от испекла мусниками* (Толстик Сол.) [СПГ, т. 1, с. 531]; *Мусники из аржаной муки или из гороховой пекли* (Илаб Сол.); *Мучники стряпали. Сочень соскёшь, на него тесто из квашонки соскладываешь* (Марушево Черд.); *Мушником называм. Тонко сочень разоскут, на его кладут квашеное* (Кривец Ильинск.) [КСРГСПК]).

Отмечаются в пермских говорах и другие наименования выпечных изделий, бытующие на Русском Севере. Так, лексемы **козу'лька, козу'лечка** 'рождественское печенье в виде фигурок животных' (*Рождество ходили утром по домам славить; славильщикам давали кто прянича; кто козулечку; козулечки настряпают – и рога, и хвостик, и ножки выстряпают* (Пянтег Черд.) [СПГ, т. 1, с. 401]; *Козульки пекли из оржаной муки. Ничё не клали в них* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]; *Раньше в Рождество всё славить бегали, козульки настряпают* (Акчим Краснов.) [АС, т. 2, с. 51]) и однокоренное к ним **козуля** фиксируются в том же значении в архангельских, костромских говорах, а также в русских говорах Карелии. Совпадает и рецептура блюда: *Козули стряпали под Рождество, черную муку просеют, тесто замешают, полежат и на устье пекут, потом всем родным дают с лучинкой* (Тер.) [СРГК, т. 2, с. 388]; *Козульки катали, бывало, раскаташь тоненьки да завьёшь завитушку, из аржаной муки пекли* (Леш Палуга) [СГРС, т. 5, с. 217].

В севернорусских, а также в уральских и сибирских говорах фиксируется такое наименование печенья **хворост**, как **ро'заны** [СРГК, т. 5, с. 553] и **розанцы** [СРНГ, т. 35, с. 158]. В пермских говорах эта реалья также называется **розанцы** (*Раньше-то на свадьбу ро'занцы обязательно стряпали. Замесишь тесто, раскаташь, надрежешь его. Резок был, тако колёсико с зазубринками, и в масло бросаешь. (Вогулка Ус.); Розанцы пекут из яичек, намисят, тоненькими соченьками напекут, лучинкой в масло кипящое, оне и скручиваются* (Лубянка Ус.) [СПГ, т. 2, с. 297]) или **ро'зки** (*Розки стряпают. Их резцом нарежут, и на веретёшке-то и варим. Их все потом складут на решето и для смеху на лопате-то и подносят* (Камгорт Черд.) [КСРГСПК]). Для называния этого печенья другой формы в новгородских, олонечких [СРНГ, т. 16, с. 13] и пермских говорах используется также слово **ку'дри** 'рассыпчатое домашнее печенье из тонких полосок теста, изжаренных в масле; хворост' (*Раньше на свадьбу обязательно кудри стряпали. Тесто тонехонько разоскут, нарежут полосочками, восьмерки навертят да в масле подсолнечном варят* (Белово Киш.); *Маша ой как вкусно у нас стряпала, я кудри страсть как любила, ну это хворост, если по-городски выразиться* (Бияваш Окт.) [СРГЮП, т. 1, с. 439]). Этнографы отмечают, что проваривание теста в масле было заимствовано русскими у тюркоязычных народов, в южной части страны его делали круглой формы в виде колец или шариков, а в северной и средней – в виде полосок [Липинская, 2005, с. 366].

Сохраняется в пермских говорах и обрядовая лексика, называющая продукты питания и блюда. Так, в пермских говорах отмечается слово **края'ны**

(**кроя'ны**) 'обрядовое кушанье, специально приготовленное для неприглашенных на свадьбу жителей деревни' (*На второй день обручения невестина крестная всем сельским **краяны** готовила и дарила. Они ведь на свадьбе не были. Кому – семечки, конфеты, кому – выпечку. Краяны готовили и для городивших поезду дорогу* (В.-Кондас Ус.) [ЭССТП, с. 80]; *Она **крояны** даёт, преники, конфеты, и у подсвадьи должны **крояны** быть. Их смотрельшишыкам дают, которы смотрят* (Попово-Останино Сол.) [КСРГСПК]). Кроме пермских, слово зафиксировано в вологодских и архангельских говорах в значениях: 1) 'гостинцы (пряники, конфеты и другие лакомства), раздаваемые на свадьбе', 2) 'гостинцы, посылаемые родильницей родным и знакомым по случаю рождения ребенка' [СРНГ, т. 15, с. 206]. Первое их этих значений совпадает с тем, которое отмечено в пермских говорах.

В пермских говорах бытует лексема **челпа'н** 'праздничный (свадебный) высокий каравай, приготовленный специально для встречи и благословения молодых' (*Матушка стоит на крыльце, **челпан** держит, жениха с невестой встречает* (Уролка Сол.); *Когда встречают молодых, **челпан** выносят, заставляя кусать каждого из них по разу* (Рождественское Караг.) [ЭССТП, с. 183]). Челпаном называли не только обрядовый каравай, но и любой хлеб круглой формы из ржаной муки: *И **челпанами** хлеб пекли; челпаны на руках помесишь, потреплешь и на доску; скоко-то постоят, вытронутся и садишь в печку; оне все из оржаной муки* (Толстик Сол.); *Пекли **челпаны** из черной муки* (Нердва Караг.) [СПГ, т. 2, с. 525]. Фиксируется это слово со значением 'хлеб круглой или продолговатой формы' и в вологодских, архангельских, олонечских говорах, а также в говорах Карелии [СВГ, т. 12, с. 26; Подвысоцкий, с. 187; Куликовский, с. 133; СРГК, т. 6, с. 768]. В вологодских и архангельских говорах эта лексема так же, как и в пермских, обозначала обрядовый хлеб: 'в свадебной обряде – каравай, который клали невесте на голову перед тем, как снять платок' [СВГ, т. 12, с. 26]; 'растворенный на молоке хлеб продолговатой формы, который пекут только к Пасхе и по случаю свадьбы (родные и свадебники дарят им молодую)' [Подвысоцкий, с. 187].

Интересно, что в вологодских, архангельских, карельских и пермских диалектах это слово полисемично и может обозначать географические объекты, чаще всего возвышенности круглой формы [СВГ, т. 12, с. 26; СРГК, т. 6, с. 768; СПГ, т. 2, с. 524-525]. Исследователи выдвигают две версии происхождения слова. По мнению М. Фасмера, лексема **челпан** является исконно русской, производна от **чело** и связана, например, с литовским лит. *kélti* "поднимать" [Фасмер, т. 4. с. 329]. Другие (В.И. Лыткин, Е.Н. Полякова) считают слово заимствованным из пермских языков. В коми и коми-пермяцком языке существует лексема **чёлпан (чёвпан)** 'каравай', 'круглый ржаной хлеб' [КПРС, с. 540; КРС, с. 748]. Это сложное слово, образованное из слов **чёл** – 'лопатка для теста, муки' и **пан** – 'конец', первоначально значение слова **чёлпан** – 'конец лопатки (для теста)', 'хлеб (тесто) в количестве одной лопатки' [КЭСКЯ, с. 310], [СГТ, с. 397]. Таким образом, слово могло быть принесено на территорию Пермского края выходцами с Русского Севера (вопрос о происхождении

лексемы оставим в стороне) или быть заимствовано русскими в Прикамье в результате контактов с автохтонным населением.

Существование некоторых лексем в пермских говорах и в говорах Русского Севера можно объяснить заимствованием из коми-пермяцкого и коми-зырянского языков. Так, в вологодских говорах отмечены слова **ля'хта** (**ля'хтя**) 'кушанье из сушеной и молотой ягоды черемухи, сваренной в сусле. Чаше употребляется в Рождественский Сочельник' [Дилакторский, с. 245], **ляз** 'кушанье, род каши, из солода и ягод черемухи' [СРНГ, т. 17, с. 270]; в архангельских говорах зафиксировано слово **ляс** 'кисель из сушеной, истолченной в порошок черемухи или черники' [СРНГ, т. 17, с. 282]; в сольвычегодских – **ли'хтя** 'каша на сусле из муки, приготовленной из сушеных ягод черемухи' [СРНГ, т. 17, с. 84]. Существует лексема, обозначающая эту реалию, и в говорах Прикамья: **ля'зга** 'кисель из черёмуховой муки' (*Айдаге лязгу хлебать, черемуховую!* (Верх-Глубокая Ос.) [СРГЮП, т. 2, с. 45]). Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что в говорах Русского Севера слово появляется в результате заимствования из коми языка, а в пермских – из коми-пермяцкого. В словаре коми языка находим лексему **ляз**, а в коми-пермяцком **лязгай** с одним значением – 'кисель (приготовленный на солоде из толченых или молотых ягод)' [КРС, с. 404; КПРС, с. 238]. Слова связаны с коми-зырянским глаголом *лязодны, лязгодны* 'давить, раздавить, расплющить' и коми-пермяцким *лязны* с тем же значением [КЭСЯ, с. 165].

Надо отметить, что фиксации лексем **ляз**, **ляс**, **ляхта** на Русском Севере относятся к XIX веку, в современных словарях мы их не обнаружили. В словарях пермских говоров отмечается одна иллюстрация со словом **лязга**, однако само кушанье может быть обозначено другими языковыми единицами. Так, в картотеке СРГСПК находим номинативное сочетание **заварная черёмуха** (*Сушёная черёмуха размалывается в муку, после чего готовят заварную черёмуху. Солод кладут сюда, мачут мягким хлебом. [Едят] горячим, вместо киселя* (Половодово Сол.) [КСРГСПК]). Само блюдо так же, как и лексемы, заимствовано из кухни коми, об употреблении черемуховой муки пишут авторы монографии «Народы Поволжья и Прикамья»: «Орловские коми-пермяки из сушеных ягод черемухи делали “муку”, добавляя ее в ржаное тесто» [Народы Поволжья и Приуралья, с. 110].

Таким образом, лексика питания Русского Севера и Пермского края имеет много общего. Это объясняется как историей заселения северного Прикамья, так и проживанием диалектоносителей в сходных природно-климатических условиях. Кроме того, некоторые единицы в говорах этих территорий являются заимствованными из родственных коми-зырянского и коми-пермяцкого языков, это также определяет наличие в говорах одинаковых лексем со сходным значением.

Библиографический список

Бакланова И.И. Названия мучных изделий в пермских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. СПб., 2008, С. 274-279.

Воронина Т.А. Традиционная и современная пища русского населения в Вологодской области // Русский Север: Ареалы и культурные традиции: сб. науч. тр. СПб., 1992, С. 78-101.

Дмитриева С.В. К картографированию названий пищи в псковских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998. СПб., 1998, С. 29-33.

Дмитриева С.В. Общие названия пищи в псковских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1997. СПб., 2000, С. 89-92.

Зверева Ю.В. Названия напитков в пермских говорах // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии. Материалы и исследования. Вып. 3. Пермь, 2009. С.71-77.

Зверева Ю.В. Тематическая группа «Названия пищи» в Словаре русских говоров севера Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15) с. 25-31.

Ильинская Н.Г. Лексика, обозначающая выпечные изделия: (На материале архангельских говоров). Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1985.

Липинская В.А. Пища (XII-XX века) // Русские М., 2005. С. 354-397.

Лутовинова И.С. Словообразовательный анализ названий кушаний в псковских говорах / И. С. Лутовинова // Севернорусские говоры: сб. науч. тр. Л., 1989. Вып. 5. С. 45-56.

Лутовинова И.С. О названиях кушаний в печорских говорах // Севернорусские говоры: сб. науч. тр. Л., 1970. Вып. 1. С. 119-127.

Лутовинова И.С. Названия обрядовых кушаний в псковских говорах // Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР: сб. науч. тр. Л., 1972. С. 56-57.

Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. М.: Наука, 2000.

Полякова Е.Н. Культура питания в Прикамье XVI-XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья первая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2009а. Вып. 1. С. 3-17.

Полякова Е.Н. Культура питания в Прикамье XVI-XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья вторая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2009б. Вып. 5. С. 5-15.

Полякова Е.Н. Формирование пермских говоров // Полякова Е.Н. Региональная лексикология и ономастика: Материалы для самостоятельной работы: Учеб. Пособие. Пермь, 2006.

Чагин Г.Н. Природная среда и особенности культурно-бытовых традиций народов Среднего Урала в середине XIX – начале XX века // Материальная культура народов России. Новосибирск, 1995. С. 122-139.

Словари

АОС – Архангельский областной словарь. М., 1980-2012. Вып.1–12 (издание продолжается).

АС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984-2011. Вып.1-6.

Дилакторский – Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902. СПб.: Наука, 2006.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985.

КРС – Коми-русский словарь. М., 1961.

Куликовский – *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. Спб., 1898.

КЭСКЯ – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Наука, 1970.

Подвысоцкий – *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Спб., 1885.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1-12. Вологда, 1983-2007.

СГТ – Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007.

СПГ – Словарь пермских говоров. Вып.1–2. Пермь, 2000–2002.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001-2011. Вып. 1-5 (издание продолжается).

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1-6. Спб., 1994-2005.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края. Пермь, 2011. Вып. 1. А–В.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып.1–3. Пермь, 2010–2012.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Спб., 1966–2011. Вып.1–44 (издание продолжается).

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.,1986-1987.

ЭССТСП – Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии северного Прикамья. Пермь, 2004.

Источники

КСРГСПК – Картотека словаря русских говоров севера Пермского края.

Сокращенные названия районов Пермского края

Ильинск. – Ильинский район, Караг. – Карагайский район; Киш. – Кишертский район, Краснов. – Красновишерский район; Окт. – Октябрьский район, Ос. – Осинский район; Сол. – Соликамский район; Ус. – Усольский район, Черд. – Чердынский район.